

тогда как образ мнимого императора пронизан авторской симпатией. Даже если мы обратимся к количественным показателям, то увидим, что к костюму Пугачева-царя В.Я. Шишков обращается гораздо чаще, чем к одежде Петра III, да и описывает наряд самозванца подробнее. Исследовав одежду этих героев, мы убедились, что на костюмном уровне подлинный император и самозванец со- и противопоставлены. В данной работе мы рассмотрели только часть примеров, более подробный анализ костюмных функций в романе «Емельян Пугачев» – цель для дальнейших исследований.

В. А. Редькин

«ЖИВАЯ МЕТАФОРА» ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

По словам Н. Д. Арутюновой, «метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нём»¹. Метафорическое мышление современных постмодернистов: И. Бродского, А. Парщикова, И. Жданова, А. Еременко, Д. Пригова, Т. Кибирова, К. Кедрова и других поэтов, получивших широкое признание в критике 90-х годов, искусственное, хотя и высшее мере искусное. Они конструируют, придумывают, сопоставляют предметы и явления, добиваясь реального воплощения живой жизни, но это иллюзия подлинной жизни, ибо поэт вступает в спор с Творцом, в конкуренцию с естественной природой, создавая свой мир, отличный от мира Божьего, природного и даже реально-социального. По выражению исследователя русского поэтического авангарда XX века И. Е. Васильева, это «хоровод масок, за которыми нет гармонизирующих мирозидательных смыслов, но с которыми связывается игра разноликих означающих, объявляемая единственной реальностью, доступной современному разуму»². Постмодернисты не стремятся постигнуть суть явлений, а довольствуются знаками. Их метафора как бы

¹ Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 14.

² Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург, 1999. С. 194.

отвергает принадлежность явления к тому классу, в который он на самом деле входит. Для них метафора-техника и метафора-идеология едины. В таком случае «метафора содержит правду и неправду»¹ одновременно, в ней заключено не только сокращенное сравнение, но противопоставление. Метафорическое мышление современных метаметафористов, концептуалистов, иронистов не становится мифопоэтическим. Ценность их метафоры в её яркости, неожиданности и непредсказуемости, как бы случайности.

Все, что свойственно метафоре в поэзии вообще – свойственно метафоре Ю. Кузнецова. Это и слияние образа и смысла, и возможность различных интерпретаций, и апелляция к воображению, и выбор кратчайшего пути к сущности объекта. Но существуют и принципиальные особенности метафорического мышления Ю. Кузнецова. Не случайно поэт пишет о «духовном одичанье метафоризма»². Свой путь в поэзии он видит в движении от метафоры к символу и мифу. С его точки зрения, «метафора способна, как мертвая вода из сказки, срastить отдельные части в тело, но само тело остается мертвым» (22). Вкладывая в метафору символический смысл, используя в метафоре традиционный миф и мифологизируя действительность, Ю. Кузнецов добивается ощущения живой метафоры. В мертвое тело он вкладывает душу. Поль Рикер считает, что, когда речь идет о живой метафоре, имеется в виду метафора, «основанная на пропорции»³. Эту гармоничную пропорциональность мы и находим у Ю. Кузнецова. Метафора, сближающаяся с символом, относительно независима от воли автора.

Метафора постмодернистов усложняет форму стиха и его восприятие. По словам исследователя, «в символе, для которого не характерно употребление в предикате, напротив, стабилизируется форма. Она становится проще и четче»⁴. Но ученый подчеркивает, что при символизации образ распадается на символические элементы. Особенность образной системы Ю. Кузнецова состоит в

¹ Музиль Р. Человек без свойств М., 1984. Т. 1. С. 653.

² Кузнецов Ю. П. Крестный ход: Стихотворения и поэмы. М., 2006. С. 20. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

³ Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 437.

⁴ Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 23

том, что метафора, приобретая символическое значение, сохраняет свою целостность. Он обращается к «ключевым метафорам», когда предмет или идея даются в свете другого предмета или идеи, когда знание и опыт, полученные в одной области, переносятся в другую область, помогая выявить сущность явления. Метафора Кузнецова, как и символ, имеет выход в вечное и ускользающее. Как выразилась о символе Н. Д. Арутюнова, он «легко преодолевает «земное тяготение».¹ Но символ часто связывают с мистическими учениями, говорят о том, что он «уводит за пределы реальности». Иначе у Ю. Кузнецова. Его метафора помогает раскрыть духовную реальность. Символическая и мифологическая метафора Ю. Кузнецова выражает не столько конкретные языковые значения, сколько находит выход к миру идей, а в последнее десятилетие – к духовному простору христианской веры.

Постмодернисты свои метафоры создают сами. Метафора Кузнецова имеет глубинные корни в национальном эпосе, славянской и общечеловеческой мифологии. В случае, когда метафора коренится в мифологическом сознании, речь может идти, по словам В.В. Виноградова, о своеобразном способе восприятия мира². Так, представление о живой метафоре Ю. Кузнецова дает стихотворение «Дымок», где происходит не сопоставление явлений, а выявляется сущность на основе реальности. Молния воспринимается как искра Божья, а дождь как слезы:

Когда удача жизнь мою ласкала,
То против шерсти гладила грозу,
Не только божью искру высекала,
Случалось, вышибала и слезу (414).

В глубине строки Ю. Кузнецова явно ощутим мерцающий и непостижимый смысл бытия. Он ощущал данный ему Богом творческий потенциал и не боялся об этом сказать. В поэме «Золотая гора» (1974) поэт дерзко заявил, что взошел на Золотую гору поэзии и проник в её «странноприимный дом», куда не смогли войти «певцы своей узды, и шифровальщики пустот, и общих мест дрозды».

---

¹ Там же. С. 25.

² Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 411.

Зачин поэмы: «Не мята пахла под горой / И не роса легла, / Приснился родине герой. / Душа его спала», – сразу с помощью отрицательного параллелизма вводит читателя в эпическую национальную фольклорную традицию с её идеей духовного подвига ради Родины.

Символический смысл приобретают у Ю. Кузнецова постоянные эпитеты, поэтические формулы и традиционная фразеология. Так, в стихотворении «Укоризна» мы находим выражения: «от великого и до малого – один шаг всего», «как с ума сошла, не в ту степь пошла», «впереди семь бед, позади ответ», «море слез солнце высушит» и т.д. При этом поэт чаще всего использует не только прямое значение идиоматического выражения, а как бы переводит его в иную плоскость бытия – плоскость нравственного состояния личности. В стихотворении «Поступок» восстанавливается метафорический смысл выражений «Молодец гол как сокол», «на воре шапка горит», «шапка-невидимка». Метафоризацию на основе фразеологизмов мы находим в стихотворении «На пирушке». «Поэтические формулы» – это нервные узлы, прикосновение к которым будит в нас ряд определенных образов, в одном более, в другом менее¹, – подчеркивал еще А. Н. Веселовский.

С помощью живых символических метафор Ю. Кузнецов ставит неразрешимые для человека вопросы о смысле существования, о непознанных секретах мира и его духовной ипостаси, о сути добра и зла, о предназначении поэта. В поэме «Золотая гора» возникают образы сатаны, срывающего наживку с крючка, закинутого в мертвую реку – иной мир, дитя человеческого, бросающего куски сахара в океан (океан жизни), чтобы изменить его к лучшему, тени поэта, намотавшейся на колесо повозки слез. Под камнем славы оказывается клубок червей. Земное и небесное, высоту и глубину, свет и тьму, тепло и холод уже здесь поэт не просто противопоставляет, а сопрягает в неразрывном единстве. Многие образы поэт черпает в античной мифологии, мифологии древних славян, национальном фольклоре, в трудах отцов Церкви.

---

¹ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 376.

В стихах первых книг Кузнецов нашел свой, глубоко личностный, поворот темы Великой Отечественной войны («Слезы России», «Гимнастерка», «Четыреста», поэмы «Дом», «Сталинградская хроника. Оборона» и др.). Таково стихотворение «Возвращение». Присутствие погибшего отца передается физически реально: «Столб крутящейся пыли идет / Через поле к порогу. / Словно машет из пыли рука, / Светят очи живые. / Шевелятся открытки на дне сундука – / Фронтовые» (100). Метафора приближается к метаморфозе, приобретает характер олицетворения. Она объединяет физический и духовный миры, бытие и инобытие. Это не просто память, это – духовный прорыв к любимым из иного мира и прорыв любящих сердец к дорогому и по-прежнему любимому мужу и отцу. На точке пересечения векторов душевного движения и рождается образ. Возникает ощущение присутствия мистического и жутковатого, тем более что «столб крутящейся пыли бредет, одинокий и страшный». Можно такое мироощущение не принимать, осуждать, но такова суть жизни. Край этого света у Кузнецова не только «за первым углом», но в каждой точке пространства, в каждом миге.

В маленькой поэме «Четыреста» реализуется и разворачивается метафора «повозка слез»: «Через военное кольцо / Повозка слез прошла, / Но потеряла колесо / У крымского села», «И где-то тридцать лет подряд / Блуждает колесо», вечность объяла пути погибших, «как спицы колесо». Метафора, символизирующая неизбежное горе, объединяет мертвых и живых, время и пространство, лирического героя и его погибшего отца. Тот же смысл приобретает образ тени как inferнальной составляющей человека: на могильную плиту «сыновья пала тень», «отец нащупал тень его – отяжелела тень»,

В земле раздался гул и стук
Судеб, которых нет.
За тень схватились сотни рук
И выползли на свет.
А тот, кто был без рук и ног,
Зубами впился в тень.
Повеял вечный холодок
На синий Божий день (114).

«Своеобразие эстетической системы Юрия Кузнецова связано со стремлением поэта проникнуть в сферы новых измерений, рожденных именно эпохой освоения космоса»¹, – писала Инна Ростовцева еще в 1974 году. Действительно, если говорить шире, НТР, несомненно, оказала прямое и непосредственное влияние на видение мира поэтом, на его образную систему. В этом отразилось то новое, что вошло в жизнь народа, современного общества. Но современное понимание единства и бесконечной широты и глубины мира, по сути, смыкается с религиозно-философскими представлениями, ярко проявившимися в снах человечества – мифах.

Для стихотворения «Гулом, криками площадь полна», как и для многих других стихов поэта, характерен космический масштаб времени, что позволяет перевести его сюжет в символический план: «Там качает героя толпа. / Он взлетает в бездонное небо. / ... / Но зевнула минута иль век – / И на площади снова безлюдно... / И в пространстве повис человек (126). Речь идет о вечных духовно-нравственных проблемах, которые каждому поколению людей надо решать заново, постигая или преодолевая очевидное. Контрастные образы: площадь – небо, вечный предел, минута – век, образы, символизирующие НТР, накладывают особый отпечаток на проблему героя и толпы. Бурное бессмысленное движение (туда и оттуда) оказывается кажущимся, а неожиданное состояние покоя, когда человек остается в пространстве наедине с собой, должно послужить определенным предостережением человечеству: не обольщаться ложными ценностями. Характерно в этом отношении и стихотворение Ю. Кузнецова «Атомная сказка». Здесь сказка метафорически накладывается на современность с её научным экспериментом. Русского Ивана-дурака на путях социального, научного, культурологического рационализма ждет духовный крах.

Сложная метафоризация, ряды символов и неожиданных ассоциаций, приводящие подчас к замедлению, а порой и затруднению восприятия произведений, не являются у Ю. Кузнецова искусственным усложнением формы и затуманиванием смысла. Поэт стремится отразить сложность и

---

¹ Ростовцева И. Этика космоса // Лит. газета. 1974. 16 окт. С. 6.

противоречивость мира и человека в адекватных образах. При этом весь сюжет произведения Ю. Кузнецова часто является развернутой метафорой. На основе сказочного сюжета как метафоры строится стихотворение «Прозрение во тьме». Развернутая метафора трансформируется в притчу («Отец и сын»).

Многих критиков шокировало стихотворение Ю. Кузнецова «Я пил из черепа отца...». Но поэт никогда не стремился к эпатажу. Образ у него органичен и неотрывен от контекста: «Я пил из черепа отца / За правду на земле, / За сказку русского лица / И верный путь во мгле. / Вставали солнце и луна / И чокались со мной. / И повторял я имена, / Забытые землей». И суть не в том, что подобный образ встречался в пушкинском «Послании к Дельвигу». Дело в метафорическом мышлении автора. В образе заключена не только мысль о преемственности делу отцов, но и трагичность этого пути. Стихотворение передает ощущение единства жизни и смерти, космической масштабности всего, что совершается на земле и в душе лирического героя.

Поэт утверждает своё право воплощать всю сложность и парадоксальность мира и человека, неразрывно с ним связанного: «Узрел я мир, попутный или встречный; / Его края / Распахнуты в клубки противоречий, / И всюду – я». Он мифологизирует действительность. Многие его стихи – это развернутые метафоры, воплощающие судьбу России. Таково стихотворение «Седьмой» о смертном грехе насилия над собственной матерью и мести братьев друг другу, их гибели и неутешных слезах поруганной матери. И в «Семейной вечере» – всё о России, судьбе русского народа, отца, матери и детей. Художественное пространство произведения поэт мыслит как некую особую реальность, данность, по отношению к которой события и герои сохраняют некоторую самостоятельность. «...Писатель верит во внутреннюю правду и реальность бытия изображаемого мира, каким бы фантастическим ни казался он нам в процессе восприятия и оценки. Можно сказать, что субъективно (для автора) поэзия, за редким исключением, всегда реальна»¹, – размышлял по поводу подобных художественных структур П. Н. Сакулин.

---

¹ Сакулин П. Н. Филология и культурология. М., 1990. С. 63

Предметно-вещный мир Ю. Кузнецова: дом, часы, зеркало, бомба, туман, земля; понятия и состояния: число, жизнь, смерть, свет, тьма, сон, высота, глубина, власть – несут в себе символично-философский смысл. С народнопоэтической традицией связаны образы-символы: дуб – символ единства мира, конь, ворон, орел и т.д. Символический свет истории, времени, истины как бы освещает все пространство поэмы «Дом». Зеркало таинственно связывает предметный мир с миром сущностей: «Оно сияло со стены неверно и бездонно». В дальнейшем метафору зеркального отражения поэт развивает, углубляя её религиозно-философский смысл. В стихотворении «Последнее искушение» отражение «в блестящем зеркале вод» меняет правое на левое, а левое на правое, то есть меняют свое значение все нравственно-этические категории. Отраженный мир оказывается миром сатаны, который распространяется и на народные представления: « – Сидя в лодке, учил ты любви, / Но народ, как твое отражение, / Повторял все движенья твои, / Им давая другое значенье» (299). В стихотворении «Испытание зеркалом» гость-сатана заявляет: «Зеркалами я скрыл глубину, / Плоскость мира тебя отражает. / Вместо солнца ты видишь луну, / Только плоскость тебя окружает» (236). Зеркальное отражение мира в сознании, искусстве, поэзии оказывается наваждением, адской бездной, искажением Божьего замысла. В стихотворении «Поступок» Люцифер обращается к «племени, укравшем тень у соседа, память, богов и язык». Обещая ему покровительство, он заявляет: «Только зеркал никогда не крадите, / Не прикасайтесь к огню». В эпическом мире Ю. Кузнецова «бытовые явления и предметы неизменно предстают в унифицированном обличье, им придаются типовые черты».¹

В стихах Ю. Кузнецова сквозной становится метафора, основанная на образе змеи. В стихотворении «Змеиные травы», написанном в годы застоя, возникает образ мчащегося поезда, везущего «мечты и проклятья земли», колеса которого «на змеиные спины сошли». Ясно, что речь идет о паровозе, у которого «в коммуне остановка». Сложная метафорическая система позволяла поэту

---

¹ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 123.

пробиваться через цензурные рогатки с идеями, которые были неприемлемы для властей того времени. Змея – символ всего безнравственного, лжи, подлости и предательства. В поэме «Змеи на маяке» змеи сползаются к теплу и закрывают свет маяка, змея, согретая на груди, жалит пожалевшего её человека. В поэме «Путь Христа», словно змеи из чрева народа, «последы ползут», и питает он свое сознание не истиной, а молвой. В поисках ответа на мучительный вопрос о соотношении добра и зла в стихотворении «Афганская змея» Ю. Кузнецов развертывает метафору. Змея, выхоженная солдатом, в ответ спасает его, но ценой гибели всех его товарищей: «Как жить ему? Его сомненье гложет, / Подумать страшно: может быть, змея / Его спасла за счет других... О Боже, / Печальна тайна, но она твоя!» (283).

Поэзия Ю. Кузнецова глубоко конфликтна. В мире идет непрекращающаяся борьба добра и зла, борьба сатанинских сил с Богом. Понятия Неба, Солнца, Звезды несут в себе смыслы, связанные с понятиями Добра и Бога. «Прошу у отчизны не хлеба, / А воли и ясного неба...», заявляет поэт в стихотворении «Бывает у русского в жизни...» Звезда определяет судьбу, символизирует талант, счастье, удачу, то, что идет от Бога. Луна напротив как источник отраженного, искаженного света символизирует ложь. С этим же связано противопоставление ночи, мрака, тьмы, тени – дню, то есть свету, красоте, истине, справедливости, Божьему откровению.

Один из основных образов-символов у Кузнецова – душа, как бессмертное, нематериальное начало в человеке. При этом поэт по традиции отцов Православной Церкви различает дух и душу человека. Дух в поэзии Кузнецова – «это то начало, которое управляет душой и телом, а также общается с Богом».¹ Он определяет способность человека различать высшие ценности жизни. Так, в стихотворении «Поступок» русский молодец взывает «к роду-изотчеству, нищему духом». В стихотворении «Свеча закона» поэт размышляет о правовом государстве. В темноте свеча освещает лишь небольшой круг, а дальше «бродит страх и слышен рев дракона». В солнечной стране свеча закона почти не видна, и

---

¹ Епископ Александр (Семенов - Тянь-Шанский). Православный катехизис. М., 1990. С.18.

страха там нет. В эту «светлейшую страну» устремлен духовный взор поэта. В последние годы жизни метафора Ю. Кузнецова часто имеет христианскую основу. «Человеческое слово – дар Божий, – размышляет поэт. – Народ творит устами поэтов. А первый поэт – это сам Бог. Он сотворил мир из ничего и вдохнул в него поэзию. Она, как Дух, уже носилась над первобытными водами, когда человека еще не было. Потом Бог сотворил человека из земного праха и вдохнул в него свою малую частицу – творческую искру. Эта Божья искра и есть дар поэзии» (8). Ю. Кузнецов пишет в стихотворении «Крестный путь»: «Дальней каменной горушке / Снится сон о Христе, / Что с обратной стороншки / Я распят на кресте». Это живая реальная картина, а сон – её реалистическое обоснование. Кузнецов приобщает себя к Христу. При этом речь идет о Мировом кресте и о крестном пути не только поэта, но и всего русского народа.

Ю. Кузнецов развивает романтические мотивы мессианства и самопожертвования. Казалось бы, мысль о любви и прощении на основе библейского текста и заповедей Христа он доводит до романтической крайности. На самом деле он остается в русле традиционных представлений Православия. В стихотворении Ю. Кузнецова «Свеча в заброшенной часовне» речь идет о молитве за сатану. Но, во-первых, это только молитва о прощении, а не само прощение, и молится не человек, а свеча, во-вторых, само присутствие человека при этом святотатстве ставится ему в вину, в-третьих, это лишь виденье мужика, «хватившего первача». В стихотворении «Новое солнце» Ю. Кузнецов разворачивает метафору о том, как «Мать Божья над Русью витает, / На клубок наши слезы мотает, / ... / А клубок все растет и растет. / А когда небо в свиток свернется, / Превратится он в новое солнце, / И оно никогда не зайдет» (421) Все происходит в мифическом ирреальном пространстве. В поэзии Ю. Кузнецова романтизм преобразуется в духовный реализм, когда Небесное, духовное начало является основополагающим, провиденциальным и полностью доминирует над земным, материальным, но по сути иллюзорным. «Мы – сновидения Земли, / И больше ничего», – утверждает он в стихотворении «Сновидение в ночь на Рождество». «Мы темные люди, но с чистой душой, / Мы сверху упали вечерней

росою», – конкретизирует поэт мысль о небесной первооснове человека в восьмистишии «Темные люди»:

А утром легчайшая смерть наступала,
Душа, как роса, в небеса улетала.
Мы все исчезали в сияющей тверди,
Где свет до рожденья и свет после смерти. (361)

Таким образом, метафора действительно «органически связана с поэтическим видением мира»¹. Живая метафора Ю. Кузнецова имеет родовую основу, объемлет совокупность существенных характеристик объекта и в контексте национальной культуры не требует расшифровки.

Е. Н. Васильева

СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИКИ В. СОКОЛОВА: К ВОПРОСУ ОБ АРХЕТИПАХ «СНЕГ» И «ДОРОГА»

В. Соколов, по-своему реализуя блоковскую символику стихийных образов в стихотворениях, превозносит стихию как преобладание талантливое, вдохновенное над рациональным. Лирический герой В. Соколова растворяется в огромном пространстве природной стихии. Это и дождь, и ветер, и снег. Последнему, как нам показалось, отводится в этом ряду особое место. Многие стихотворения посвящены данному природному явлению: «Снег» (2 стихотворения), «Снег в сентябре», «Снег этого года», «Новый снег», «На улицы ложится снег», «Тихий снежок». В других «снег» является составляющей, а порой и определяющей, частью стихотворного пространства. Это не случайно. Творчество, по Соколову, также свободно, непредсказуемо, неуловимо, загадочно. Тайна ассоциируется у поэта в первую очередь с символом «холода и ночи», снега:

Хочу зимы, здоровья, снега
И одиночества того,

---

¹ Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 16.